

Жизненные стратегии современной российской молодежи в условиях трансформации социальной реальности

Научный руководитель – Коркия Эка Демуриевна

Тимофеева Марина Алексеевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Социологический факультет, Кафедра социологии коммуникативных систем, Москва, Россия

E-mail: marinasupryaga@mail.ru

В условиях нарастающей социальной неопределенности, цифровизации и трансформации ценностных систем жизненные стратегии молодежи претерпевают фундаментальные изменения, приобретая черты гибридности и адаптивности. Мегалополисы, выступая центрами концентрации социальных и культурных инноваций, задают тон этим процессам, однако базовые противоречия формирования стратегий носят универсальный характер, выходящий за рамки территориальной специфики. Теоретическая основа данной темы опирается на понимание жизненной стратегии как проявления социальной субъектности, способа организации личностью своей жизни в соответствии с глубинными ценностными ориентациями, где построение стратегии рассматривается как критерий личностной зрелости, проявляющейся в умении соединять индивидуальные возможности, собственные притязания и требования внешней среды [1]. В условиях «текучей современности», описанной З. Бауманом, стратегия перестает быть жестким долгосрочным планом и трансформируется в гибкую навигацию, где краткосрочное планирование и ситуативная адаптация доминируют над классическим целеполаганием [2].

Эмпирическую базу составил вторичный анализ данных социологических исследований, посвященных территориальной дифференциации жизненных установок, ценностным приоритетам и барьерам стратегического планирования в студенческой среде. Проведенный анализ позволяет говорить о формировании жизненных стратегий в поле напряженного динамического равновесия между несколькими фундаментальными полюсами. Первый полюс образует противоречие между традицией и индивидуализмом: исследования фиксируют парадоксальную гибридность ценностных систем, где семья остается безусловной ценностью-лидером, однако перестает быть тотальным проектом, встраиваясь в конкурентные отношения с карьерой и самореализацией. Молодежь демонстрирует высокий уровень субъектности и ориентации на личные достижения, но эта субъектность сфокусирована не на изменении мира, а на эффективной навигации в нем и извлечении возможностей для личного продвижения [3]. Второй полюс связан с разрывом между стратегией и тактикой: наблюдается фундаментальное несоответствие между высокой субъективной значимостью долгосрочного планирования и крайне ограниченным горизонтом реального целеполагания, который в большинстве случаев не превышает одного-двух лет. Процесс стратегирования носит преимущественно реактивный характер, активируясь под давлением внешних обстоятельств, а не в результате внутренней экзистенциальной потребности, что позволяет говорить о приоритете тактической навигации над стратегическим проектированием [4].

Существенную роль играет территориальная дифференциация, выявляющая две различные модели жизнеустройства. Столичная молодежь ориентирована на успех в «большом социуме» – высокий статус, публичное признание, влияние и власть – и демонстрирует так называемый стратегический максимализм, однако крайне уязвима к неудачам: сомнения в личной эффективности имеют тенденцию экстернализоваться, порождая

социальный и политический негативизм. Молодежь провинции, напротив, фокусируется на благополучии «малого социума» – семье, доме, ближнем круге общения, стабильной работе – и отличается более высокой психологической резистентностью, где ожидания возможных жизненных неудач не трансформируются в широкий социальный пессимизм, а сказываются преимущественно на снижении фона позитивных эмоций. При этом, несмотря на территориальные различия, ключевыми универсальными барьерами для всех групп выступают личностная неопределенность, связанная с непониманием собственных желаний и возможностей, и дефицит достоверной структурированной информации о будущем профессий и реальных траекториях социальной мобильности. Университетская среда играет в этом контексте амбивалентную роль, выступая одновременно ресурсом развития и фактором дезориентации, разрушающим ранее сложившиеся представления о будущем. В связи с этим фиксируется устойчивый запрос молодежи не на массовые обезличенные мероприятия, а на индивидуализированные форматы психолого-педагогической поддержки, включая консультирование и наставничество, которые помогают преодолевать внутренние барьеры и выстраивать осмысленные жизненные траектории [5].

Таким образом, жизненные стратегии современной российской молодежи формируются как сложный ответ на вызовы социальной турбулентности, где ключевой компетенцией становится способность к непрерывной рефлексии, адаптации и поддержанию психоэмоционального баланса. Приоритеты смещаются с обладания конечным статичным успехом в сторону развития способности к управлению собственной субъектностью в условиях перманентной неопределенности. Вызов для социальных институтов заключается в необходимости перехода от трансляции готовых моделей успеха к созданию сред и сервисов, усиливающих агентность молодых людей и помогающих им преодолевать барьеры личностной и информационной неопределенности, что в конечном итоге определяет как социальное самочувствие нового поколения, так и потенциал развития общества в целом.

Источники и литература

- 1) Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- 2) Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. С.А. Комарова. СПб.: Питер, 2008.
- 3) Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13–41.
- 4) Воронцова А.В., Блинова Е.Е. Жизненные стратегии студентов вуза: опыт сравнительного анализа // Перспективы науки и образования. 2025. № 2. С. 491–507.
- 5) Седова Н.Н. Жизненные стратегии молодежи: ценностные ориентиры российских столиц и провинции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 328–353.